

5.1.96.

Есенин Сергей

28 ДЕКАБРЯ 1995 ГОДА ИСПОЛНИЛОСЬ 70 ЛЕТ
СО ДНЯ ГИБели СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА

Русская мысль. - Париже. - 1996. -

Анатолий Иванов

Бланк. - с 10.

ЧЕЛОВЕК В СЕРОМ КОСТЮМЕ

Отшумели торжества есенинского юбилея. В те дни, осененные разноцветьем осенней листвы, был открыт в столице музей поэта, воздвигнут памятник на Тверском бульваре. Порадовали и книгоиздатели: к столетию Сергея Есенина увидел свет 1-й том академического собрания сочинений. Пополнилась есениниана также великолепным изданием "Музей Есенина в книге" и жизнеописанием поэта, вышедшим в серии ЖЗЛ.

Чего, пожалуй, не успели, так это подготовить и выпустить основательный свод воспоминаний о Сергеев Есенине. Издание, которое вобрало бы в себя как многократно печатавшиеся мемуары друзей и сподвижников поэта, так и материалы малоизвестные и обнаруженные лишь недавно.

Одно из таких словесных изображений Есенина, доселе остававшееся вне поля зрения есенистов, хочется предложить вниманию читателей. Необычность его в том, что оно не относится к жанру мемуаристики, хотя и базируется на живых, личных впечатлениях. Описание балансирует на грани писательского вымысла и реальной действительности. Иными словами, образ поэта вставлен в рамку художественной прозы, как бы увиден глазами литературного героя-парикмахера, человека бесконечно далекого от поэзии и вообще от какого-либо чтения, пусть даже слыхом не слыхавшего такого имени, как Сергей Есенин.

Имеется в виду повесть "Серый костюм" (1929), принадлежащая перу Василия Андреева. К автору мы еще вернемся. Прежде несколько слов о главном герое — "маленьком человеке" эпохи НЭПа, томимом комплексом социальной и культурной неполноты. Именно этот комплекс заставляет его преображаться в индивидуума совсем иного склада и пошиба. За порогом своей парикмахерской этот человек выдает себя за... горного инженера. Для чего и форменную фуражку с гербом приобрел, и визитную карточку заказал — убедитесь сами — "Горный инженер Роман Романович Пластунов".

Считая себя неотразимым мужчиной, герой повести всячески пытается завести знакомство с какой-нибудь авантажной интел-

лигентной особой. Увы, ловелас и ухажер из него неважнецкий. Этого мнимого инженера, изъясняющегося на галантейно-примитивном языке зощенковских персонажей, почему-то тянет рассуждать о высоких материалах, о которых он имеет самые приблизительные и диковинные представления. Так, излюбленная его тема — опера, хотя, по правде говоря, в оперном театре ему быть не доводилось.

Так он и жил до поры до времени. Покуда не появился в его парикмахерской необычайный клиент в шикарном сером костюме. Какая-то непохожесть выделяла его из бесконечной череды обычных посетителей. Что? Трудно сказать. Весь его облик источал, казалось, некую магию. Впрочем, вместо пересказа обратимся лучше к первоисточнику.

«С клиентом в сером костюме был еще человек. Он не брился и не стригся, а сидел и разговаривал с приятелем:

— Ты говоришь — "Заря Востока"? — спросил он, очевидно продолжая прерванный разговор.

Роман Романыч подумал: "Заря Востока" — пьеса так называется. Наверно, опера.

И обратился к клиенту, стараясь говорить как можно изысканнее:

— Извиняюсь за нескромный вопрос: в каком театре, понимаете ли нет, идет сейчас "Заря востока"?

Клиент удивленно приподнял тонкие, слегка срастающиеся брови, и белое лицо его порозовело.

Он хотел что-то ответить, но его приятель сказал громко и отчетливо:

— Конечно, в Большом оперном.

Брея, Роман Романыч терялся в догадках, кто его клиент, и ему хотелось узнать это.

Молодое бритое лицо, светлые кудрявые волосы, элегантный костюм — по всему этому Роман Романыч заключил, что клиент — артист.

Приятель клиента тоже напоминал актера: толстый, бритый, с помятым лицом; голос громкий и звучный, хотя несколько сиповатый.

“Загорянский артист”, — подумал Роман Романыч о клиенте, — не мец, по всему видать”.

Когда посетители уходили, Роман Романыч не утерпел и спросил:

— Извиняюсь, понимаете ли нет, вы — русские?

— Кто — я? — спросил клиент, а приятель его сказал:

— У него костюм парижский, шляпа из Лондона, а трость американская, но сам он чистокровный русак, но такой русак, что ай-ай! Отдай все, да и мало!

А когда оба они ушли, Роман Романыч вышел и, стоя у дверей, на ступеньке, стал смотреть им вслед.

Слегка вздернув голову, легко и пружинисто, словно танцовщица, шел человек в сером костюме, отталкиваясь от земли вздрагивающей тростью»

Вся обслуга мастерской принялась обсуждать этого случайно забредшего к ним "артиста", найдя, что он удивительно похож на Романа Романовича — как брат родной. И действительно:

“Такие же золотистые кудрявые волосы, светлые глаза, красивое, почти юношеское лицо.

Вспомнил, что когда брил его, наклонялся над ним, то лицо клиента напоминало что-то далекое и трогательно-дорогое...

Сергей Есенин. Рис. Ю.Анненкова

вича эта тройка парижского фасона становится таким же предметом вожделения, как шинель для гоголевского Акакия Акакиевича. И вот настал день, когда Роман Романович примерил обновку, надел на золотистые кудри фетровую шляпу и, подойдя к зеркалу, обоммел: так поразительно он стал похож на того клиента в сером костюме.

Изменился не только внешне. Какие-то существенные перемены произошли в характере незадачливого героя. Обрел чувство победительности, уверенности в успехе на амурном фронте.

В предвкушении решительного объяснения с дамой сердца Роман Романович как-то августовским вечером зашел в ресторан. В зале было шумно и людно. Неподалеку пировала теплая компания, в которой он узрел того клиента. Далее по тексту повести:

“Он сидел, глубоко откинувшись на спинку стула.

Лицо его было бледно. Глаза смотрели неподвижно и, казалось, не видели ничего. Растрепанный чуб волос свесился над страдальчески сморщенным лбом.

Вдруг он выпрямился, подался вперед, вскинутая голова вспенила над белым лбом золотистые кудри; морщины исчезли — лицо стало юным.

Он встал, протянул вперед руку и, не опуская ее, заговорил как-то странно, нараспев.

Роман Романыч не мог уловить многих слов, они неслись и качались, как волны.

Шум в зале смолк.

А голос становился громче, звонче, слова уже не плыли, а рвались, как рыдания. Высоко простертая рука не плавала в воздухе, а металась, вздрогивала, словно раненая белая птица.

И слова — простые, обыкновенные — их уже ясно слышно — были в то же время необычайными в своем сплетении, в судорожном своем трепете.

Русская мысль. - Париже. - 1996. - 5 янв. - с 11.

Они, словно вопли раненого, сжимали сердце и вместе с тем зарывали, как прекрасная музыка”.

Прервем цитирование. Существует ли, право, лучшее описание — более одухотворенное, экспрессивное, пластичное — есенинского исполнения стихов, нежели это?! Примечательно, что оно подано как бы поверх смыслового наполнения стиха, через чисто зрительные образы и звуковые модуляции. Здесь все — высокий порыв, озарение, чистота и тут же стихийность, безудержность, надрыв — воспринято, угадано на каком-то доречевом, что ли, уровне.

“Взметнулся последний крик и замер. Опустилась измученная белая птица.

Отовсюду, из всех уголков, от всех столов посыпалась хлопки и долго дрожали под лепнином потолком.

Пьяный голос прокричал несколько раз:

— Браво. Бис.

Тот был пьян.

Вскакивал с места, натыкаясь на стулья, на столики, стремительно подходил к музыкантам, держа в одной руке бутылку, в другой стакан.

Потом плакал. Целовался с толстомордым, бритоголовым (с ним вместе он был тогда в парикмахерской — Роман Романыч узнал толстого) и с другим: невысокого роста, черным, с лицом мальчика, но с глазами пожившего человека.

Толстого он называл дядей Сашей, черного мальчика — Вольфом.

Потом они стали подниматься из-за стола. Задвигались в узких проходах между столиками к выходу.

Тот пошел тоже, но вернулся к столу и снова сел. Его товарищи, ожидая, остановились у выхода.

А он, наклонясь над столом, водил по нему полусогнутой рукой, точно широко и медленно выписывал что-то по всему столу.

А когда отошел от стола — Роман Романыч, сам не зная для чего, двинулся ему навстречу и пробормотал:

— Извиняюсь, гражданин.

На Роман Романыча в упор глянули синие холодные глаза, а над ними раскинулись, как крылья ласточки, сдвинутые срастающиеся брови.

— Я, а не ты, — протянул пьяный, ломкий голос. — Понял? только — я.

— Что-с? — прошептал, сильно смущившись, Роман Романыч.

Брови — ласточкины крылья, вздрогнули над ледяными глазами. Пышноволосая голова вскинулась гордо.

— До-рогу! — стеклом прозвенел голос.

Роман Романыч посторонился. Приподнял шляпу. Простоял, ошеломленный, несколько мгновений.

Затем шагнул к столу, за которым недавно сидел тот.

На столе лежал разрезанный гранат.

И на белой, как снег, скатерти, крупно, почти во весь стол — имя и фамилия из тщательно уложенных зерен граната, красных и мокрых, словно капли густой крови”.

Москва

Окончание следует